

УРАЛ В АНТРОПОГЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ В.П. СЕМЕНОВА-ТЯН-ШАНСКОГО

Аннотация. В статье анализируются значение и место, которые Урал занимал в антропогеографической концепции выдающегося русского географа В.П. Семенова-Тян-Шанского. На основе природно-географического детерминизма эта концепция не только объясняла закономерный характер становления горнозаводского Урала, но и намечала будущий образ и многообещающую перспективную роль региона в территориальной структуре России.

Ключевые слова: Россия, Урал, антропогеография, В.П. Семенов-Тян-Шанский, азональность, горнозаводский тип заселения.

Выдающийся русский географ Вениамин Петрович Семенов-Тян-Шанский (1870–1942), сын своего не менее известного отца — корифея отечественной географической науки П.П. Семенова-Тян-Шанского, удачно сочетал в себе таланты скрупулезного исследователя-эмпирика и глубокого теоретика. Его по праву можно считать одним из последних энциклопедистов русской науки конца XIX – начала XX в. Он не только прекрасно разбирался в разных отделах географии, но и обладал впечатляюще глубокими познаниями в области экономики, статистики, истории, биологии, искусствоведения. Многогранность научных интересов, широта взглядов и глубокий историзм в понимании содержания географической науки сделали В.П. Семенова-Тян-Шанского одним из ведущих теоретиков возникшего в рамках этой науки антропогеографического направления. В отличие от традиционно понимаемого предмета географии, антропогеография переносила главный фокус исследований на взаимодействие человека с географической средой, рассматривая его историю сквозь призму пространственного распространения человеческой культуры и освоения ею разнообразных комплексов природных условий. Стремясь максимально сблизить географию с историей, сторон-

¹ Зубков Константин Иванович, кандидат исторических наук, ФГБУН Институт истории и археологии УрО РАН (Екатеринбург, Россия), ведущий научный сотрудник, заведующий центром методологии и историкогеографии; e-mail: zubkov.konstantin@gmail.com.

ники антропогеографического подхода были нацелены на изучение, с одной стороны, все более возрастающего преобразующего воздействия человека на земную поверхность и формирования на этой основе громадного разнообразия природно-культурных ландшафтов, а с другой — сложного процесса адаптации человека к различным природным условиям и возникающих вследствие этого различных видов зависимости форм и направлений исторического развития от природно-географических факторов.

Введение в научный оборот термина «антропогеография», как и обоснование задач нового научного направления, принадлежит немецкому географу и этнологу Фридриху Ратцелю [1, с. 57–60], осуществившему грандиозную работу по исследованию влияния отдельных природно-географических факторов на распределение и переселение человеческих коллективов, на их материальную и духовную культуру. Принимая сложный характер исторической причинности, русские последователи нового направления (В.П. Семенов-Тянь-Шанский, А.А. Крубер, Л.Д. Синицкий и др.) были солидарны с Ратцелем в неприятии вульгарного географического детерминизма при объяснении социально-исторических явлений. Как и его коллеги, Семенов-Тянь-Шанский рассматривал влияние географической среды на человеческую историю как очень сложное, по преимуществу косвенное, опосредованное множеством передаточных звеньев детерминации и преломляющееся через человеческую психологию, но тем не менее вполне определенное. Согласно его взглядам, география продолжает незримо влиять на историческое развитие даже на высших ступенях человеческой культуры, но это влияние скорее предстает в виде многообразных и эластичных зависимостей человека от среды его обитания — таких зависимостей, которые не столько диктуют поведение людей, сколько подталкивают их к определенному выбору действий, формируют наиболее вероятную тенденцию развития. В своей статье, посвященной задачам географии как науки, Семенов-Тянь-Шанский, обосновывая антропогеографический подход, фиксирует отдельные виды взаимодействия человека с каждым из природных факторов (суша и человек, вода и человек, растения и человек и т.п.), в фокусном пересечении которых формируется глубинная природная обусловленность ходе человеческой истории [2, с. 477]. В некоторых аспектах Семенов-Тянь-Шанский пошел дальше Ратцеля, обратившись к антропогеографической интерпретации не только социальных и политических отношений, но и экономических

процессов, чья зависимость от природных факторов в ряде случаев приобретала характер отчетливых «закономерностей» (т.е. закономерностей). Эти закономерности, по мнению ученого, проявляются не столько на уровне отдельных явлений, сколько призваны объяснять массовые исторические тенденции и потому неизбежно несут на себе печать определенной формализации.

В своих исследованиях, посвященных географии России, Семенов-Тянь-Шанский большое внимание уделял Уралу — как узловому району российского пространства, в котором раннее индустриальное развитие было неразрывно связано, по мнению ученого, с его природно-географическими особенностями. Определяющий факт географии Урала состоял в наблюдаемой здесь резкой расчлененности рельефа, своего рода моменте прерывности в монотонной протяженности обширных равнинных пространств Евразии. Согласно концепции Семенова-Тянь-Шанского, резкие нарушения монотонного и исторически инерционного характера экономической деятельности, основанной на использовании поверхностных богатств Земли, есть следствие «известного нарушения в строении земной коры» — перехода от равнины к горной системе, от одной среды к другой (морские побережья или берега крупных рек), от одной зоны к другой (от леса к степи, от степи к пустыне) или, наконец, резкой смены климата (а с ними характера почв и растительного покрова) [3, с. 140–141]. Такие районы переходов, называемые аazonальными, становятся наиболее интенсивно развивающимися местностями, которые более свободны от наличных естественных условий территории и вызваны к жизни более высокими потребностями населения, более глубоким и сложным характером использования природных ресурсов (например, преобладанием использования недр над освоением поверхности земли). На уровне общей закономерности, развитие аazonальных районов становится довольно поздним результатом растущей плотности населения и прогресса культуры данной страны, но в случае Урала рано и резко проявившийся эффект аazonальности скорее выступает проявлением особой, частной закономерности — исключительных богатств его недр и удобства их разработки [3, с. 142].

Семенов-Тянь-Шанский углубляет анализ благоприятствовавших раннему промышленному подъему Урала природно-географических предпосылок, подчеркивая, что проявление аazonального развития здесь многократно усилено тем, что это — старая горная система.

По мнению ученого, этот факт приобретает совершенно особое значение, если в нем видеть не просто деталь географической характеристики региона, но целую цепочку детерминации, образующую что-то вроде определенного «экономогеографического закона». Старые горные системы — это, как правило, местности с нарушенным расположением горных пород (собранных в складки, разломанных, сброшенных и приподнятых и т.п.), поэтому их недра не только более легки для разработки, но по общему правилу — богаче полезными ископаемыми, чем горные системы с ненарушенным напластованием горных пород, лежащих правильными слоями. Богатство это имеет свойство множиться, так как обнаженные выходы на поверхность разных пород усиливают доступ к ним света, воды и воздуха, порождая новые химические составы. Поэтому-то старые, невысокие, разрушенные временем горные страны с гораздо большей вероятностью становятся районами интенсивного горнопромышленного развития, чем, скажем, молодые горные системы, вроде Альп или Тянь-Шаня. Закономерный характер этих зависимостей не только позволяет лучше понять нерасторжимую связь природных и социально-исторических явлений, но и дает основание для широких исторических сравнений. Семенов-Тян-Шанский отмечает, что возникновение горной промышленности на Урале имеет множество поразительно сходных черт со столь же ранним развитием других горнопромышленных районов, привязанных к старым горным системам, — ряда местностей Средней Германии (Гарц), Аппалачей в США, некоторых частей Бразилии (Минас-Жераис), отчасти и Алтая (по более древним и разрушенным краям этой горной системы) [3, с. 122]. Эти параллели касаются не только хронологии и общей траектории развития этих горнопромышленных районов, но и сходства на уровне отдельных производственных факторов. Например, в старых горных системах перепад высот может создавать реки с сильным течением, но с уже размытым и сглаженным ложем, а потому и с ограниченной силой падения — без «падунов», порогов, водопадов, которые усиливают энергию воды. Поэтому на Урале и в других подобных районах (Средняя Германия) при ранней организации горного дела широко использовалось плотинное строительство [3, с. 132].

Место и значение Урала в территориально-экономической организации российского пространства — еще одна крупная тема, которую затронул Семенов-Тян-Шанский в своих работах. С опорой на антропогеографический подход он заостряет проблему несовпадения между

той инерцией восприятия и мышления, которая едва ли не веками определяла отношение к Уралу, и теми возможностями развития, которые объективно вытекают из географического положения региона и масштаба его природных богатств. По мнению ученого, умение правильно понимать и брать на вооружение указания географии — это то, что в ближайшее время должно коренным образом изменить судьбу Урала.

Вопреки устоявшимся представлениям об Урале как об одной из восточных, тяготеющих к Азии окраин Российской империи, Семенов-Тянь-Шанский считал, что регион, по основным географическим критериям, всецело принадлежит Европейской России, образуя как бы приподнятый восточный край ее равнинного пространства. Если с Европой Урал связан рядом переходных географических и экономических форм, то его граница с Азией образует резкий обрыв всех основных географических характеристик (что отражается даже в характере речного стока) [4, с. 86, 93]. Особенностью Урала как древней горной системы является меридиональное чередование повышенных и пониженных участков, что делает в одних частях (северной и южной) рубежом, отделяющим Русскую равнину от Западной Сибири, в других (срединная пониженная) — уже «не разъединителем, а, наоборот, соединительным звеном между ними» [3, с. 258]. Если отсечь менее благоприятные для земледелия северо-восточные (тундровые и таежные) и юго-восточные (полупустынные) части Европейской России, то именно в пониженной, котловинной части Среднего Урала клином сходится следующий из Европейской России поток колонизации, чтобы затем, в виде удлинённой проекции, превратиться в клинообразное же продолжение «сгущенной колонизации Сибири», тянущейся до самого Тихого океана. Интенсивность колонизационной динамики в средней части Урала в какой-то степени объясняет ее почти исключительно великорусский облик, в то время как аборигенные «финские» и «турецкие» элементы лучше сохранились в северной и южной частях Урала, соответственно [4, с. 98]. Роль Среднего Урала как своеобразного колонизационного «депо» дополняется тем, что это еще и наиболее богатая рудно-минеральными ресурсами, наиболее удобная для разработки часть Уральской горной страны. Этот факт, как полагал Семенов-Тянь-Шанский, должен совершенно менять представление о месте Урала в территориальной структуре России. По мнению ученого, Урал самой природой предназначен к превращению в узловую, «срединную»

регион, естественно расширяющийся не только за счет постоянного притока колонизационного элемента, но и через экономическое притяжение к нему более бедных в ресурсном отношении и менее экономически оживленных соседних областей. Как следствие, Уралу в ближайшем будущем суждено превратиться в один из «богатейших промышленных центров, имеющих первостепенное значение» для страны, а его признанной «столице», Екатеринбург, — в один из «крупнейших и люднейших торгово-промышленных центров всей России», связанных густой сетью путей сообщения с ее основными районами [5, с. IV]. Эта трансформация, однако, согласно Семенову-Тян-Шанскому, возможна только при коренном изменении общего взгляда на территориально-государственный организм Российской империи и насущные потребности его развития. Прежде всего необходимо было отказаться от искусственного разделения России на Европейскую и Азиатскую части и выделить в качестве значимой «культурно-экономической единицы», во всех отношениях построенной и развиваемой по типу Европейской России, территорию от Волги до Енисея — «Русскую Евразию». В таком ансамбле территорий Урал предстанет в виде своего рода стратегической «оси», способной мощным притяжением хозяйственной жизни объединить вокруг себя соседние области. Такой «восточный сдвиг» всей государственной политики призван был в перспективе максимально сократить гигантский (почти в 3 тыс. км) разрыв между центром населения страны и ее географическим центром. Задачу усиления «срединного» ядра империи ученый полагал одной из главных в обеспечении геополитической устойчивости всего здания российской государственности — как в видах охранения его от внешних угроз, так и с точки зрения лучшей организации в нем экономических процессов [6, с. 441–442].

Возможность ускорить развитие срединных частей государства в этом направлении связана с решением специальной задачи создания на этих территориях колонизационных «культурно-экономических баз», которые мыслятся Семеновым-Тян-Шанским как сильные своей хозяйственной инициативой и культурой «бойкие» торгово-промышленные районы, способные не просто развиваться, но и как бы «излучать» вовне эффекты своего энергичного развития [6, с. 443]. Среди таких четырех первоочередных баз к востоку от Волги на первом месте стоит Урал, в наибольшей степени обладающий предпосылками ускоренного развития.

Оценке потенциала развития ключевых районов России Семенов-Тянь-Шанский уделял большое внимание в своих статистических исследованиях. Для него статистика — это не только сухая фиксация факта, но и богатейший материал для выводов, обращенных к перспективам развития. С этой точки зрения, Семенова-Тянь-Шанского особенно интересовали показатели численности населения (с соответствующими долями городского и сельского), доли промышленности в общем хозяйственном обороте, размеров торговли и т. п. Примененный ученым показатель «бойкости» городских поселений — это не эпитет, но вполне конкретный качественный показатель экономического развития, исчисляемый как величина локализуемого в данном поселении торгово-промышленного оборота в расчете на душу населения. По характеру урбанизации и особенностям экономического развития Урал (как и сходный с ним по многим характеристикам Донбасс), согласно Семенову-Тянь-Шанскому, воплощает собой особый горнозаводский тип заселения и развития. В его рамках географическое распределение городов почти целиком привязано к естественному богатству и местам разработки полезных ископаемых; оно в существенной степени отражает горно-окружную организацию экономики. Заметное сгущение городской жизни и ее повышенная интенсивность характерны для Среднего Урала, в то время как на севере и юге региона развитие городов значительно слабее. Для определения перспектив развития городов на Урале Семенов-Тянь-Шанский осуществил собственную классификацию городских поселений, в основу которой были положены интервальные значения численности населения: большие города, средние города, малые города, «городки» (фактически поселки). При этом ученый обнаружил значимую корреляцию между размерами городского поселения, структурой их экономики и наиболее вероятными траекториями их эволюции. По данным переписи 1897 г., горнозаводский тип заселения обуславливал на Урале более высокую долю в общей численности городского населения средних (от 10 тыс. до 30 тыс. чел.) и малых (от 5 тыс. до 10 тыс. чел.) городов — 33% и 31%, соответственно. (Крупнейшие города региона — Пермь и Екатеринбург — составляли только 18% всего городского населения). Тесная историческая связь средних и малых городов Урала с заводами делает их довольно людными поселениями (что в целом служит залогом их развития как городов) — при этом во многих средних городах промышленность

к концу XIX в. постепенно утрачивает свою ранее преобладающую роль, а в 5/6 малых городов она еще значительно превосходит торговлю. Судьба малых городов, как правило, находилась в более жесткой зависимости от функционирования местного завода, чем в более крупных поселениях. В то же время «бойкость» экономической жизни основной массы уральских городов, по общему правилу, была ниже, чем в обычных средних и малых городах, выросших из земледельческо-ремесленных сел. Горнозаводское происхождение основной массы уральских городов повлияло на ограниченное значение в их развитии административного фактора; практически неразвитой была также пригородная структура расселения. По одному только признаку людности около 40 городов-заводов Урала, по оценке Семенова-Тян-Шанского, имело перспективу превращения в настоящие города, однако сковывающими их развитие факторами являлось слабое развитие торгово-распределительных функций и неземледельческих занятий (кроме горнозаводских работ); в то же время ряд поселков на месте закрывшихся горных заводов, не успевая приобрести торгово-промышленной «бойкости», имели тенденцию нисхождения в разряд сельских поселений [7, с. 168–173]. Проведенный Семеновым-Тян-Шанским статистический анализ развития городов Урала в конце XIX в. до сих пор сохраняет значение ценного исторического источника.

Библиографический список

1. **Ratzel Friedrich.** *Anthropogeographie : in 2 Bänden. Bd. 1 / Friedrich Ratzel.* — Stuttgart: Verlag von J. Engelhorn, 1909. — XVI. — 400 s.
2. **Семенов-Тян-Шанский В.П.** *Что такое география? / В.П. Семенов-Тян-Шанский // Известия Императорского Русского географического общества.* — 1915. — Т. LI. — Вып. VIII. — С. 476–477.
3. **Семенов-Тян-Шанский В.П.** *Район и страна / В.П. Семенов-Тян-Шанский.* — М.; Л.: Государственное изд-во, 1928. — 311 с.
4. **Семенов-Тян-Шанский В.П.** *Типы местностей Европейской России и Кавказа: очерк по физической географии в связи с антропогеографией / Вениамин Семенов-Тян-Шанский.* — Пг.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1915. — VII, [3]. — 114 с.
5. **Семенов-Тян-Шанский В.П.** *Предисловие к пятому тому / В.П. Семенов-Тян-Шанский // Россия : полное географическое описание нашего отечества : Настольная и дорожная книга для русских людей :*

в 11 т. Т. V: Урал и Приуралье / под ред. В.П. Семенова. — СПб.: А.Ф. Девриен, 1914. — С. III-IV.

6. **Семенов-Тянь-Шанский В.П.** О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк по политической географии / В. Семенов-Тянь-Шанский // Известия Императорского Русского географического общества. — 1915. — Т. LI. — Вып. VIII. — С. 425-457.

7. **Семенов-Тянь-Шанский В.П.** Город и деревня в Европейской России: Очерк по экон. геогр. с 16 карт. и картогр. / Вениамин Семенов-Тянь-Шанский. — СПб.: Тип. В.Ф. Киришаума, 1910. — 212 с. — (Записки Императорского Русского географического общества по отделению статистики. — Т. X. — Вып. 2).

K.I. Zubkov

The Urals in anthropogeographical conception of V.P. Semenov-Tyanshanskiy

Abstract. *The article analyzes the significance and the place the Urals have taken up in the conception of the outstanding Russian geographer V.P. Semenov-Tyanshanskiy. On the basis of natural geographical determinism, this conception not only explained the regularity-based character of shaping the mining and metallurgical Urals, but also outlined the future image and promising prospective role of the region within the territorial structure of Russia.*

Keywords: *Russia, the Urals, anthropogeography, V.P. Semenov-Tyanshanskiy, azonality, mining & metallurgical type of settlement*

Zubkov Konstantin Ivanovich, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Head of the Centre of Methodology and Historiography, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia); e-mail: zubkov.konstantin@gmail.com.